

И.Е. Суриков

**ВЕЛИКАЯ ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
(на примере ранней колонизационной деятельности Афин)***

При интерпретации причин такого сложного, комплексного явления, каким была Великая греческая колонизация VIII–VI вв. до н.э.¹, более всего неуместен редукционизм. Думается, все согласятся (по крайней мере, в теории) со следующими базовыми тезисами: в ходе «кристаллизации» феномена и далее по мере его эволюции действовал ряд факторов самого различного характера и, что немаловажно, различной направленности; в разных регионах греческого мира эти факторы находились в неодинаковом соотношении, что придавало общей картине дополнительную пестроту; кроме того, причины колонизационного движения как такового и причины колонизационной активности того или иного конкретного полиса – не одно и то же, эти аспекты необходимо отделять друг от друга.

На практике, однако, обнаруживаем, что понимание феномена порой обеспечивается за счет разного рода упрощающих схем. К числу таковых, в частности, следует отнести чрезвычайно популярную тенденцию обозначать какую-либо исследуемую апойкию как «аграрное» или «торговое» поселение². В каких-то случаях подобный подход,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект 08-01-00080а).

¹ Великая греческая колонизация неоднократно и углубленно изучалась в мировой историографии; можно сказать, что это одна из приоритетных тем современного антиковедения. Укажем ряд классических исследований по данной проблематике: *Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité: l'histoire et la légende*. Р., 1957; *Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece*. Manchester, 1964; *Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade*. 4th ed. L., 1999 (из многочисленных изданий этой знаменитой книги, впервые вышедшей в 1964 г., указываем последнее по времени, с каким нам доводилось работать). Отметим также недавнюю монографию: *Miller Th. Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse*. Tübingen, 1997 (ее примечательной чертой является то, что автор, в отличие, например, от Дж. Бордмана, уделяет основное внимание не археологическим памятникам, а данным нарративной традиции).

² См., например: *Wilson J.-P. The Nature of Greek Overseas Settlements in the Archaic Period: Emporion or Apoikia // The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.; N.Y., 1997. P. 199–207.

возможно, и оказывается корректным, но чаще он способен только внести путаницу. Как будто в так называемых «торговых» колониях не практиковалось сельское хозяйство – основа экономики любого полиса³, – а жители «аграрных» колоний, в свою очередь, не занимались торговлей! Повторим и подчеркнем: только постоянный учет многофакторности и даже многовекторности рассматриваемого процесса может помочь верной, а не превратной реконструкции.

О каких же факторах идет речь? Традиционно акцент делается прежде всего на факторах экономического порядка, которые сами по себе представляют довольно сложный, запутанный комплекс; некоторые элементы этого комплекса даже не всегда осознаются как экономические. Мы бы попытались провести дальнейшую градацию и разделить данную группу факторов на экономико-демографические и экономико-коммерческие.

К первой подгруппе относится пресловутая стенохория, недостаточность территориальных ресурсов хоры многих полисов для элементарного жизнеобеспечения быстро прираставшего в течение архаической эпохи населения⁴. С этим всё более или менее ясно; ситуация не порождает существенных сложностей. Стенохория как один из «корней» колонизации – факт, подмеченный уже античными авторами, нашедший хорошее отражение в источниках.

Говоря же об экономико-коммерческих факторах, то есть о таких, которые связаны с интересами торговли, уже необходима дальнейшая нюансировка. Торговля в древнегреческих полисах была ориентирована преимущественно на импорт, а не на экспорт⁵; главной проблемой являлась не проблема сбыта произведенных жителями полиса товаров с целью получения денег, а проблема получения тех товаров или сырья, которые отсутствовали в полисе. Данный момент тесно связан с экономическим идеалом автаркии, в высшей степени свойственным греческому миру. На практике полная автаркия была недостижима практически ни в одном государстве Эллады, особенно учитывая их

³ Исходим из того, что типичная колония (о клерухиях пока речь не идет) возникала сразу как полис. Аргументацию этого положения (на материале апойкий в регионе Босфора Киммерийского) см.: Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре (эпоха архаики) // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 237–253.

⁴ Демографический взрыв в архаической Греции (на него впервые было обращено должное внимание в работе: Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980) отнюдь не является историографическим мифом, хотя и были попытки отрицать это. Допустим, масштабы «взрыва» были первоначально чрезмерно завышены Снодграссом (наиболее подробный разбор проблемы см. в монографии: Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambr., 1987). Но все равно нельзя закрывать глаза на сам факт резкого роста населения – если не в 7 раз за 60 лет, как считалось ранее, то, во всяком случае, примерно в 3 раза по самым минималистским оценкам (Tandy D.W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997. P. 19 ff.), что тоже очень много.

⁵ Austin M.M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977. P. 113 ff.

малые размеры и скудость природных ресурсов. Чтобы быть автаркичным, полису неизбежно приходилось восполнять имеющиеся недостатки в том или ином продукте; для этого-то и вступали в торговые отношения с соседями либо более отдаленными партнерами. Присутствовал еще и такой компонент (пока не оцененный по достоинству в науке об античности), как престижная экономика; но на этом сюжете мы не можем здесь остановливаться, поскольку это увело бы нас слишком далеко в сторону, он настоятельно требует специального рассмотрения.

В связи с колонизацией из сказанного вытекает, что если колония основывалась при решающем действии экономико-коммерческих факторов, то под этим следует понимать не поиск рынков сбыта (таковые могли возникать, но как вторичное, производное явление), а поиск сырьевых баз, которые в потенциале могли бы работать на снабжение метрополии⁶, а также стремление утвердиться на торговых путях – с той же целью получать необходимое сырье и/или товары.

От экономических переходим теперь к факторам политического характера. Этим последним в исследовательской литературе далеко не всегда уделяют должное внимание (более того, случается, что их просто игнорируют); однако они, как нам уже неоднократно приходилось писать⁷, тоже играли далеко не последнюю роль. Необходимо дальнейшее подразделение этой группы факторов – на внутриполитические и внешнеполитические. Вначале – несколько слов о первых.

Одной из самых рельефных и неотъемлемых реалий внутренней жизни архаических (формирующихся) греческих полисов был постоянный стасис – борьба за власть между различными аристократическими группировками⁸. Сплошь и рядом перипетии этой борьбы становились непосредственным поводом к выведению колонии. Для «проигравших» зачастую просто не оставалось иного выхода, кроме как покинуть родной полис, иначе их судьба была плачевной: политическая борьба архаической эпохи отличалась крайней жестокостью и

⁶ Первая греческая колония на западе (Питекуссы) была основана с целью добычи металлов. См.: Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N.Y., 1996. Р. 114.

⁷ Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 152–153; он же. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мернадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 47–72; он же. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 219.

⁸ Hansen M.H. The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-state Cultures. Copenhagen, 2000. Р. 173. Под этим углом зрения архаическая и классическая греческая история рассмотрена в работах: Lintott A. Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750–330 B.C. Baltimore, 1982; Gehrke H.-J. Stasis: Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1985.

беспощадностью⁹, ее исходом могло стать даже полное, поголовное истребление побежденных победителями¹⁰.

В любом случае, группировка, не сумевшая добиться успеха «у себя дома», всегда имела хорошую возможность – уйти в апойкию и там утверждать свою власть уже беспрепятственно. Лидер такой группировки становился основателем и руководителем нового поселения – ойкистом (ктистом); таким образом он достигал на новом месте того высокого положения, в котором ему было отказано на родине. В роли ойкистов выступали, практически без исключений, знатные аристократы, выходцы из древних родов. После смерти ойкист, как правило, героизировался, то есть причислялся к существам сверхчеловеческого порядка; его могила, находившаяся обычно на агоре, становилась объектом религиозного почитания¹¹.

Безусловно, односторонний акцент на вышеописанном политическом фактуре колонизации тоже был бы неоправданным, как и любая крайность. Для того, чтобы колонизационное мероприятие осуществлялось, была необходима либо совокупность не только политических, но и экономических предпосылок (группировка политиков-аристократов могла, естественно, основать жизнеспособную колонию только в том случае, если ее сопровождала достаточно значительная в количественном отношении группа рядовых граждан, по той или иной причине заинтересованных в переселении), либо ситуация должна была быть крайне острой, просто не оставляющей для какой-то части населения реальной возможности остаться на родине (например, если в ходе стасиса одна группировка полностью побеждала и поголовно изгоняла другую, что случалось все-таки далеко не всегда). Сделанная здесь оговорка была необходима, но в целом следует отметить, что в историографии скорее наблюдается не переоценка, а, напротив, недооценка политического фактора, так что к выявлению его истинной (по нашему мнению, весьма значительной) роли еще предстоит идти.

В связи со сказанным, наверное, не лишним будет напомнить, что не нужно видеть в каждой колонизационной акции обязательно централизованное, организованное полисными властями мероприятие. Нередко следует вести речь о частной инициативе кого-либо из аристократических лидеров¹², который рекрутировал будущих апойков,

⁹ Ср.: *Forsdyke S. Exile, Ostracism, and the Athenian Democracy // ClAnt. 2000. Vol. 19. No.2. P. 232 ff.*

¹⁰ В политическом дискурсе архаической эпохи доминировали эпические парадигмы. В связи с этим напомним известный эпизод из «Одиссеи»: подробно описываемое жестокое истребление Одиссеем аристократов, сватавшихся в его отсутствие к Пенелопе.

¹¹ Morris I. Op. cit. P. 68; Суриков И.Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. Ч. 2–3. С. 11–12. Каких бы то ни было других граждан, кроме ойкиста, хоронить на агоре решительно запрещалось. В целом об ойкистах см.: Leschhorn W. «Gründer der Stadt»: Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984.

¹² Graham A.J. Op. cit. P. 33.

очевидно, из числа своих политических приверженцев и отправлялся с ними в колонизационную экспедицию. Как раз в истории ранней афинской колонизации, о которой подробнее будет говориться ниже, есть несколько случаев, которые должны быть однозначно трактованы именно в таком духе.

На внутриполитическую борьбу, приводившую к основанию колоний, часто оказывала решающее влияние внешнеполитическая ситуация (внешнеполитические и внутриполитические дела вообще постоянно переплетались в реальной действительности эпохи). В другой работе мы указали несколько примеров подобного рода, а один из них – колонизационную активность Гераклеи Понтийской в 540-х гг. до н.э. – рассмотрели подробно¹³. В этих случаях важнейшим политическим вопросом была выработка некоего *modus vivendi* по отношению к только что вышедшей на греческие рубежи Персидской державе; это вело к возникновению противостоявших друг другу «проперсидских» и «антиперсидских» группировок. Их борьба могла приводить к различному исходу. Одним из вариантов, и не столь уж редким, оказывался полный раскол гражданско-го коллектива, когда симпатизировавшие персам или нейтрально относившиеся к ним граждане оставались на месте, принимали тиранами персидских ставленников и переживали прочие перипетии персидской политики, а решительные противники подчинения Ахеменидам покидали родные места. Так складывались события в Теосе, Фокее, Византии, Калхедоне и др.

Внешнеполитические факторы колонизации могли действовать и независимо от внутренней междоусобной борьбы, в отсутствие последней. Так, ряд колоний, выведенных при тиранах, был основан не только и не столько в экономических (торговых и проч.) целях, а скорее из чисто политических амбиций – для улучшения геостратегического положения, в конце концов, ради укрепления мощи и престижа тирана и его города.

Упомянув о престиже, мы органично выходим на еще одну группу факторов колонизационного движения. Эти факторы, которые можно определить как ментально-идеологические, в исследовательской литературе находятся уже в полном небрежении, на них обычно просто не обращают внимания. Это, судя по всему, связано с общей и давней тенденцией преуменьшать значение всего, что связано со сферой сознания, менталитета, идей. А по нашему глубокому убеждению, идеи вполне могут править миром, особенно на переломных этапах истории, – а именно таковым была, несомненно, архаическая эпоха, в которую осуществлялась Великая колонизация.

Какие важнейшие факторы ментального порядка следует перечислить? В науке нашел широкое признание совершенно правомерный тезис об агональном характере древнегреческого социума. Причем в период архаики этот агональный дух был как раз особенно силен. Полисы – во всяком случае, те, которые развивались достаточно быстрыми темпами, – включились в интенсивное соревнование

¹³ Суриков И.Е. Черноморское эхо... С. 47–72.

друг с другом буквально на всех поприщах общественной жизни. Создается впечатление, что это была самая настоящая «борьба за первенство», стремление не отстать от других. Начинают в каких-либо полисах создаваться первые своды письменных законов – и тут же эстафету подхватывают другие города, тоже назначающие своих законодателей, а то и переманивающие их от соседей. Появляются такие вещи, как фаланга, чеканная монета и т.п., – и тут же начинают победное шествие по греческому миру, новые и новые полисы принимают эти новшества. Даже тираны, подобно какой-то эпидемии или пожару, быстро переметывались из одного эллинского государства в другое.

Та же состязательность не могла не действовать и в сфере колониационной активности. Собственно, тут не нужно каких-то априорных домыслов: на материале источников это можно наблюдать невооруженным взглядом. «Пионерами» Великой греческой колонизации, стоявшими у ее истоков, были эвбейцы¹⁴. В эпоху ранней архаики города Эвбеи – рано погибший Лелант (Левканди)¹⁵, а затем унаследовавшие его достижения Эретрия и Халкида – находились во главе развития всего греческого мира, являясь первейшими греческими экономическими, политическими, культурными центрами, не имевшими себе равных. Эвбейцы в VIII в. до н.э. устремляются на запад, основывая колонии в Италии и на Сицилии. Но практически сразу же там появляются и коринфяне, и мегаряне, и ахейцы, и выходцы из ряда других государств Балканской Греции. Как нам представляется, не всегда и не во всем это соперничество можно трактовать как проявление чисто экономической конкуренции; здесь, помимо прочего, находил свое выражение и вышеупомянутый агональный дух.

Аналогичная картина – и на северо-восточном направлении, в зоне Черноморских проливов. Безусловно, здесь первенствовал в основании апойкий Милет¹⁶. Однако наряду с милетскими в регионе активно появлялись лесбосские, самоские, мегарские колонии. А как активно, едва ли не отталкивая друг друга, греческие полисы устроились в египетский Навкратис, где, впрочем, в связи с особыми ус-

¹⁴ Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 50, 63 f.

¹⁵ Идентификацию поселения в Левканди как древнего Леланта см.: Thomas C.G., Conant C. Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C. Bloomington, 1999. О необычайно раннем по греческим меркам развитии этого центра свидетельствует открытие в нем уникальной периптально-апсидной постройки X в. до н.э., по своим размерам (45x10 м) совершенно беспрецедентной для этого времени. См.: Popham M., Toulioura E., Sackett L.H. The Hero of Lefkandi // Antiquity. 1982. Vol. 56. No. 218. P. 169–174; Mazarakis-Ainian A. Contribution à l'étude de l'architecture religieuse grecque des Âges obscures // AC. 1985. Vol. 54. P. 5–48.

¹⁶ Cook J.M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962. P. 50 ff.

ловиями, продиктованными фараонами, им приходилось не только соперничать, но и сотрудничать...¹⁷

Отметим еще один фактор ментального порядка. В VIII в. до н.э. – именно тогда, когда начиналась Великая колонизация, – происходят интересные изменения в греческой религиозно-культурной традиции. Резко обостряется интерес к легендам героического цикла, в связи с этим возрастает место эпоса в общественной жизни. Фигура эпического героя активно актуализуется, он становится примером для подражания. Всё, о чем мы сейчас говорим, – вещи, в общем-то, достаточно известные: феномен «героического ренессанса» архаической эпохи неоднократно рассматривался в историографии¹⁸. А нам хотелось бы в данной связи лишь отметить, что среди деяний и подвигов героев немаловажное место занимали дальние, полные приключений морские путешествия. Достаточно вспомнить о странствиях Одиссея, походе аргонавтов, да и о том, что сама Троянская война, как она описывалась в мифах, началась с экспедиции объединенного ахейского флота. Даже такой, казалось бы, сугубо «сухопутный» персонаж леденальной традиции, как Геракл, согласно ряду мифов, отправлялся в плавания (в страну амазонок, в Трою и др.). В этих условиях «уподобление героям»¹⁹ для греческого аристократа должно было включать в себя в качестве одного из важных элементов интерес к подобного же рода предприятиям.

Говоря о ментальных факторах колонизации, невозможно не упомянуть и о влиянии Дельфийского оракула²⁰. Тут мы выходим на проблему сложную, многократно дискутирующуюся и пока не получившую однозначного разрешения. Насколько можно судить, это связано, помимо прочего, с тем, что не всегда эта проблема «Дельфы и колонизация» рассматривается под правильным углом зрения, в корректном историческом контексте. Преимущественно роль оракула в колонизационном движении признается в лучшем случае служебной: государства, выступавшие инициаторами выведения колоний, обращались к дельфийским жрецам как к своего рода «экспертам», а те, обладая разветвленной «агентурой» и владея большим количеством релевантной информации, давали соответствующие рекомендации.

¹⁷ См.: Bowden H. The Greek Settlement and sanctuaries at Naukratis: Herodotus and Archaeology // More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1996. P. 17–37.

¹⁸ Snodgrass A. Op. cit. P. 68 ff.; Hurwit J.M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 120; Polignac F. de. Cults, Territory and the Origins of the Greek City-state. Chicago, 1995. P. 128 ff.; Tandy D. W. Op. cit. P. 231; Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 61.

¹⁹ Об этом феномене см., в частности: Андреев Ю.В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. № 1. С. 3–7.

²⁰ О Дельфийском оракуле и Великой греческой колонизации см.: Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 209–229; Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 129 сл.

Здесь, как нам представляется, имеет место модернизация мировоззрения людей ранней античности: не учитывается, что их сознание было еще всецело религиозным, чуждым какого-либо скептицизма в этой области²¹. Авторитет великих оракулов был безусловным. Не то чтобы хитроумные греки, уже приняв решение о проведении колонизационной акции, отправляли посольство в Дельфы лишь для получения подобающей религиозной санкции, то есть, в сущности, из чисто прагматических побуждений. Нет, случалось, что повеление, данное устами пифии, оказывалось для них самих неожиданным, – но при этом подлежало беспрекословному выполнению.

Хорошой иллюстрацией подобного положения дел может служить подробный, опирающийся на достоверную традицию рассказ Геродота (IV. 150 sqq.) об основании Кирены выходцами с острова Фера. Этот рассказ заслуживает того, чтобы его ключевые моменты были здесь процитированы: «...Когда царь ферейцев Гринн стал вопрошать оракул о различных дела, Пифия повелела основать город в Ливии... По возвращении на родину царь и его спутники пренебрегли изречением оракула: они не знали, где находится Ливия, и не решились наудачу отправить поселенцев. После этого бог семь лет не посыпал дождя на Феру, и на острове засохли все деревья, кроме одного. Тогда ферейцы вопросили об этом оракул, и Пифия вновь повелела высказать колонию в Ливию... Ферейцы решили отправить туда по жребию от всех семи общин на острове по одному из двух братьев, а предводителем и царем избрали Батта. Затем они отправили на Платею (остров у берегов Ливии – И.С.) два 50-весельных корабля» (Геродот здесь и далее цитируется в пер. Г.А. Стратановского).

Нельзя не обратить внимания на некоторые характерные нюансы. Изначально жители Феры вовсе не намеревались основывать колонию, что и не удивительно: гражданский коллектив острова был очень невелик, ощущался скорее недостаток, чем избыток людей. Инициатором выведения колонистов в Африку выступил всецело Дельфийский оракул, который фактически принудил к этому ферейцев вопреки их воле. Последним мероприятие далось с большим трудом: несмотря на то, что при наборе апойков были приняты экстраординарные меры, близкие к военной мобилизации (во всех семьях, где имелись два брата, один из них обязательно должен был покинуть родину), едва-едва удалось отправить около 200 человек²². Но воле божества нельзя было прекословить!

Таково сложное переплетение факторов, влиявших на проведение Великой греческой колонизации. Естественно, в различных полисах и регионах соотношение этих факторов было не одинаковым по силе воздействия. Могло получаться так, что политические и идеологические предпосылки колонизационной активности были уже налицо, а экономические еще не назрели, или наоборот. В каждом конкретном

²¹ Cp.: Frost F.J. Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 83–89.

²² Суриков И.Е. Античная Греция... С. 43.

случае неповторимое сочетание факторов давало свою картину. Мы считаем (хотя, безусловно, отнюдь не настаиваем на собственной точке зрения как единственно истинной), что учет всего этого – необходимое условие для целостной и связной реконструкции колонизации, позволяющее уйти от упрощающей альтернативы «аграрная колония – торговая колония».

Попытаемся проиллюстрировать такой подход на конкретном примере – ранней афинской колонизации²³. При этом, несомненно, следует учитывать, что колонизационная деятельность Афин не может быть признана типичной. Афины и в подавляющем большинстве других отношений были, так сказать, полисом-исключением. Не укладываются в нормальные для греческого мира рамки и афинские колонии. Но в исследовании подобного рода нетипичных явлений тоже есть свой смысл: возможно, исключение поможет лучше понять норму.

В чем конкретно заключается специфика афинского варианта колонизации? Прежде всего в том, что уже с весьма раннего времени афиняне практиковали выведение колоний принципиально нового типа, а именно клерухий²⁴. Их отличие от традиционных колоний, апойкий, заключалось в том, что клерухия не становилась независимым полисом, ее жители не приобретали нового гражданства, а сохраняли афинское. Иными словами, клерухии были как бы заморскими «отростками» афинского государства. Почему афиняне избрали именно такую практику? Возможно, дальнейшее рассмотрение фактов позволит сделать какие-то наметки к решению этого вопроса. В любом случае нужно учитывать, что колонизационная деятельность афинян никогда не ограничивалась только клерухиями; создавали они и обычные апойкии²⁵.

²³ Проблемами ранних афинских колоний наиболее углубленно занималась отечественная исследовательница Н.А. Касаткина. См., в частности, из ее работ: *Касаткина Н.А. Ранние военно-земледельческие поселения афинян (VI в. до н.э.) // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 4–8; она же. Эксплуатация афинянами земельных владений на Эвбее в V в. до н.э. // Проблемы антиковедения и медиевистики. Нижний Новгород, 1999. С. 24–26; она же. Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: Материалы международной конференции. Нижний Новгород, 2001. Ч. 1. С. 56–65; она же. Солон Афинский и остров Саламин // АКРА. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59–70.*

²⁴ О клерухии как институте, характерном именно для афинской колонизации, см.: *Romilly J. de. Rencontres avec la Grèce classique*. Р., 1995. Р. 219–220. См. также в целом о клерухиях: *Gschmitzer F. Abhängige Orte im griechischen Altertum*. München, 1958. S. 89 ff.; *Brunt P.A. Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B.C. // Ancient Society and Institutions*. Oxf., 1966. P. 71–92; *Gauthier P. A propos des clérouquies athénienes du Ve siècle // Problèmes de la terre en Grèce ancienne*. Р., 1973. Р. 163–178.

²⁵ Так, в ходе понтийской экспедиции Перикла (ок. 437–436 гг. до н.э.) в Синопе была основана клерухия, а в соседнем Амисе, насколько можно судить, – апойкия. Мы только упомянем об этом факте, а подробно рассматри-

Клерухии ассоциируются обычно с Афинской архэ. И действительно, именно в период Пентеконтаэтии их россыпь покрыла Эгейиду и вышла даже за ее пределы. Но афинские клерухии появлялись и раньше; именно на этих ранних поселениях мы остановимся в рамках данной статьи.

Еще одной специфически афинской чертой является то, что этот полис весьма поздно включился в Великую колонизацию, – в сущности, тогда, когда многие другие видные греческие центры уже завершили свою колонизационную деятельность. Каковы причины этого? Сразу напрашивается ответ в экономическом русле: никто не сомневается в том, что одной из важнейших предпосылок колонизации была стенохория, а от нее-то как раз архаические Афины не страдали. Обладая огромной по греческим меркам хорой, они в то время – даже несмотря на довольно крупное население – испытывали недостаток не в земле, а наоборот – в рабочих руках, необходимых для обработки этой земли²⁶. Понятно, что оттоку населения это никоим образом не способствовало.

Сказанное представляется верным. Но в таком случае встает вопрос: почему же архаические Афины вообще включились в колонизацию (а ведь когда они сделали это, их участие в основании колоний было не таким уж и малозначимым)? Ведь от стенохории афинский полис, в общем-то, не страдал и тогда. Очевидно, роль данного фактора (в начале статьи мы обозначили его как экономико-демографический) для ранней колонизационной активности афинян была минимальной, можно сказать, близкой к нулевой. Таким образом, уже первые, пока еще обобщенные и неконкретизированные, наблюдения над феноменом, позволяют высказать определенные концептуальные соображения. Нельзя ли в таком случае предположить для афинской колонизации достаточно видную роль политических факторов? Это должен прояснить анализ фактического материала, содержащегося в источниках.

Самая ранняя колонизационная экспедиция афинян²⁷ была направлена в северо-восточный «угол» Эгейского моря, в то место, где начинаются Черноморские проливы. Афинская колония была основа-

вать его не будем, поскольку он выходит за хронологические рамки нашего исследования.

²⁶ Hurwit J.M. Op. cit. P. 80; Rihll T.E. EKTHMOPOI: Partners in Crime? // JHS. 1991. Vol. 111. P. 102; Osborne R. Op. cit. P. 221. Никак не можем согласиться с теми исследователями, которые считают, что в архаической Аттике имела место стенохория (Marville Ph.B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990. P. 122; Блаватская Т.В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.). СПб., 2003. С. 313, 315); это никак не подтверждается фактами.

²⁷ Самая ранняя, о которой нам известно, – оговаривает В. Эренберг (Ehrenberg V. Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich; Stuttgart, 1965. S. 222). Но по соображениям общего контекста вряд ли можно предполагать какие-то более ранние афинские колонизационные экспедиции, не отразившиеся в источниках.

на в Сигее – в Троаде, у входа в Геллеспонт. И интерес к этому региону, обладавшему в античности (как и позже) огромным стратегическим значением, уже сам по себе знаменателен.

Древнейший автор, пишущий о колонии афинян в Сигее, – Геродот. Он сообщает (V. 94–95): «...Митиленцы и афиняне из городов Ахиллея²⁸ и Сигея вели постоянные войны друг с другом. Митиленцы требовали назад Сигейскую область, а афиняне оспаривали их право на нее, указывая, что на земли древнего Илиона эолийцы имеют отнюдь не больше прав, чем они, афиняне, и другие, кто помогал Менелаю отомстить за похищение Елены. Во время этих войн в битвах случилось много замечательных происшествий. Между прочим, после одной стычки, в которой победили афиняне, поэт Алкей спасся бегством, но его оружие попало в руки афинян, и они повесили его в храме Афины в Сигее. Алкей же воспел это событие в песне и послал ее на Митилену, чтобы сообщить о несчастье своему другу Меланиппу. Митиленцев же с афинянами примирил Периандр, сын Кипсела, которого они выбрали посредником. А примирил он их вот на каких условиях: каждая сторона получала то, что у нее было. Так-то Сигей остался за афинянами».

Геродот на протяжении своего труда еще несколько раз упоминает о Сигее и афинском поселении в нем (IV. 38; V. 65; V. 91)²⁹ – в различных контекстах, чаще всего в связи с повторной колонизацией этого места Писистратидами. Местами «отец истории» выражается не вполне ясно, что может вести к хронологическим затруднениям в вопросе о конкретном времени захвата Сигея афинянами. Однако не следует забывать о ссылке Геродота на Алкея. Более аутентичный источник просто трудно представить: лесбосский поэт сам участвовал в афино-митиленских войнах за Сигей. Стало быть, к его времени афиняне уже обосновались в названном городе. А это указывает на конец VII в. до н.э. как на время колонизационной экспедиции. О том же свидетельствует и сообщение о посредничестве коринфского тирана Периандра.

Информация, предоставляемая более поздними авторами, подкрепляет этот вывод. Страбон в своей «Географии» подробно описывает Троаду, останавливаясь в том числе и на Сигее. Он говорит (XIII. 599–600): «...Передают, что митиленец Археанакт возвел из камней, взятых оттуда (с развалин древней Трои – И.С.), стену вокруг Сигея. Этот город захватили афиняне, которые послали туда Фринона, победителя на Олимпийских играх, хотя лесбийцы добивались обладания почти всей Троадой. Действительно, большинство поселений в Троаде основано лесбийцами (некоторые из них существуют и теперь, другие

²⁸ Создается впечатление, что, говоря о «городе» (*πόλιος*) Ахилле, Геродот не вполне точен. Речь, судя по всему, идет о святилище Ахилла, находившемся близ Сигея (Strabo. XIII. 596; 600); при нем существовало лишь маленькое поселение.

²⁹ В одном месте (IV. 38) Геродот эксплицитно называет город «гроянским Сигеем» (*Σιγέιου τοῦ Τρωϊκοῦ*).

же исчезли). Питтак Митиленский, один из так называемых Семи Мудрецов, отплыл с кораблями против стратега Фриона и некоторое время воевал с ним, плохо справляясь с делом и терпя неудачи. В то время и поэт Алкей, как он сам говорит, в одной схватке попал в тяжелое положение, так что ему пришлось, бросив оружие, бежать... (далее следует цитата из Алкея – И.С.) Позднее, когда Фрион вызвал его на единоборство, Питтак, взяв рыбачкую сеть, напал на противника; он накинул на него сеть и убил, заколов трезубцем и кинжалом. Но так как война продолжалась, то обе стороны выбрали посредником Периандра, который и положил ей конец. По словам Деметрия (Скепсийского – И.С.), сообщение Тимея о том, что Периандр воздвиг укрепление Ахиллея против афинян из камней Илиона, чтобы помочь войску Питтака, неверно. В действительности это место, как он говорит, было укреплено митиленцами против Сигея, но не этими камнями и даже не Периандром. Да и как же можно было выбрать посредником лицо, принимавшее участие в войне?» (пер. Г.А. Стратановского).

Этот интереснейший рассказ во всех деталях совпадает со свидетельством Геродота (у Страбона мы также встречаем и Алкея, и Периандра), а, кроме того, вносит ряд новых немаловажных нюансов, подтверждающих датировку афинской экспедиции в Сигей концом VII в. до н.э. Выясняется, что митиленским командующим был знаменитый Питтак – современник и «заклятый друг» Алкея. Названо и имя главы афинских колонистов. Это – Фрион, видный борец-панкратиаст, одержавший победу на Олимпийских играх 636 г. до н.э.³⁰ Он, несомненно, принадлежал к высшей аристократии Афин.

О событиях, связанных с Питтаком и Фрионом, а также в целом с разбираемой здесьвойной между Афинами и Митиленой, упоминает также Диоген Лаэртский (I. 74), повествуя о жизни митиленского мудреца: «...Когда афиняне воевали с митиленянами за область Ахиллеиду, то Питтак начальствовал над митиленянами, а Фрион, олимпийский победитель-панкратиаст, – над афинянами; Питтак вызывался с ним на поединок и, спрятавши под щитом своим сеть, набросил ее на Фриона, убил его и тем отстоял спорную землю. Однако и после этого (говорит Аполлодор) афиняне с митиленянами тягались за ту землю, а решал тяжбу Периандр, который и отдал ее афинянам» (пер. М.Л. Гаспарова с нашими поправками). Тот же эпизод с Питтаком и Фрионом сохранен еще в некоторых источниках (например: Polyaen. I. 25), но без каких-либо новых деталей. Неожиданно информативным оказывается свидетельство такого позднего памятника, как византийский лексикон Х в. «Суда» (s.v. Πίττακος): в нем приводится даже довольно точная датировка: «Питтак... в 42-ю олимпиаду (612/611 – 609/608 гг. до н.э. – И.С.) убил Меланхра, тирана Митилены, а также сразил в поединке Фриона, полководца (στρατηγού) афинян, который вел войну из-за Сигея. Питтак набросил на него сеть». Интересно, что

³⁰ Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R., 1957. Р. 66; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 35.

это единственное конкретное событие, подробно пересказанное автором словаря в биографии такого крупного исторического деятеля, как Питтак; очевидно, единоборство с Фриноном всегда считалось одним из самых славных его деяний³¹. Что же касается датировки, то мы, конечно, не можем быть уверены, что источник, отделенный от описываемого факта времененным промежутком более чем в полтора тысячи летия, дает ее абсолютно точно. Тем не менее в свете вышеизложенного хронологического контекста афино-митиленских дел в Сигее эта датировка не вызывает абсолютно никаких возражений: мы остаемся в рамках конца VII в. до н.э.

Нам представляется несомненным, что в связи с той же экспедицией Фринона следует рассматривать одно несколько испорченное в рукописной традиции место из перипла Псевдо-Скимна (707–708), где при описании Херсонеса Фракийского говорится буквально следующее:

έξης Ἐλαιοῦς, Ἀττικὴν ἀποικίαν
ἔχουσα, ΦΟΡΒΟΩΝ ἦν συνοικίσαι δοκεῖ.

Указание на то, что апойкия в Элеунте была афинской (аттической), вполне однозначно. А вот вопрос об основателе этой апойкии более темен. Личное имя Форбоуи, упомянутое здесь, не существует и явно представляет собой продукт какого-то искажения переписчиками (к тому же оно еще и не укладывается в метр стиха Псевдо-Скимна). Небезосновательно было предложено считать, что изначально в тексте стояло Фρύνων³². Тогда перевод цитируемого текста будет следующим:

Вот Элеунт; афинская колония

Здесь есть, и, говорят, Фринон – ойкист ее³³.

Элеунт по отношению к Сигею находится на противоположном, европейском берегу Геллеспонта, в южной части полуострова Херсонес Фракийский. Страбон (VII. fr. 51; XIII. 596) специально отмечает, что Элеунт (Элеусса) и Сигей расположены напротив друг друга, и расстояние между ними – всего лишь 40 стадиев³⁴.

Основание Фриноном двух афинских поселений, как бы фланкировавших вход в Геллеспонт, со стратегической точки зрения выглядит вполне закономерным; это, кстати, заставляет задуматься о целях всего мероприятия, к чему мы скоро перейдем, но предварительно коснемся еще двух обстоятельств. Во-первых, обратим внимание на то, что интерес афинян к Херсонесу Фракийскому, как выясняется,

³¹ Диоген Лаэртский (I. 75) отмечает, что именно после этого события Питтак стал пользоваться в Митилене большим почетом и получил власть.

³² Graham A.J. Op. cit. P. 33; Jeffery L.H. Op. cit. P. 89; Isaac B. The Greek Settlement in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 161.

³³ В переводе намеренно употребляем термин «ойкист», дабы адекватно отразить наличие в греческом тексте однокоренного глагола συνοικίζω.

³⁴ О местоположении Элеунта см.: Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F. The Athenian Tribute Lists. Cambr. (Mass.), 1939. Vol. 1. P. 484.

возникает не около середины VI в. до н.э., как обычно считают³⁵, а значительно раньше, уже к концу VII в. до н.э. И эта заинтересованность тесно связана с афинской активностью в Троаде.

Второй вопрос, который хотелось бы затронуть, – статус колонизационной экспедиции Фринона и, соответственно, статус основанных им поселений. Нам представляется, что неправомерно видеть здесь акцию, подготовленную и предпринятую афинским полисом. Скорее всего, это была личная, независимая инициатива Фринона. Правда, у Страбона и в «Суде» Фринон обозначен как *στρατηγός*. Но если мы будем переводить это слово как «стратег» (в смысле должностного лица полиса), то допустим грубый анахронизм³⁶. Коллегия стратегов была учреждена в Афинах лишь в ходе клисфеновских реформ, в конце VI в. до н.э., то есть целое столетие спустя после изучаемых здесь событий. В действительности в указанных источниках слово *στρατηγός* употреблено, конечно, не в терминологическом смысле, а в широком и нейтральном значении «полководец».

Фринон, отправляясь с группой колонистов в Троаду, действовал на свой страх и риск. Перед нами типичнейший случай модели колонизационного мероприятия, порожденного внутриполитическими причинами, межаристократической борьбой за власть и престиж. Фринон был олимпиоником и уже поэтому, не приходится сомневаться, человеком со значительными политическими амбициями³⁷. Насколько можно судить, он активно включился в борьбу за власть. К сожалению, следует отметить, что источники не сохранили сведений о каких-либо конкретных событиях внутренней афинской истории на хронологическом промежутке между законодательством Драконта (621 г. до н.э.) и законодательством Солона (594 г. до н.э.), то есть как раз на интересующем нас здесь периоде. Однако общая характеристика ситуации в данный период, даваемая античными авторами (*Arist. Ath. pol. 5. 1–2; Plut. Sol. 12–13*), выглядит вполне однозначной: это было время острого междоусобного конфликта.

Одним из участников этого конфликта, безусловно, был и Фринон, но ему не сопутствовала удача. Он желал занять позицию, соответствовавшую его рангу олимпийского победителя, но не преуспел в этом на родине³⁸. Вот тогда-то и возглавил колонизационную экспедицию.

³⁵ См., например: *Heskel J. The North Aegean Wars, 371–360 B.C.* Stuttgart, 1997. Р. 14–15. Неточность, которую допустила Дж. Хескел, уже отмечалась нами в рецензии на ее книгу (ВДИ. 2000. № 1. С. 223. Прим. 4).

³⁶ Что, собственно, и делает Г.А. Стратановский в переводе Страбона.

³⁷ О политических амбициях олимпиоников см.: Зельян К.К. Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29; Bengtson H. Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 190–207. Отметим, что как раз в это время, другой афинский олимпионик, согражданин и современник Фринона, – знаменитый Килон – пытался совершить в родном полисе государственный переворот и стать тираном.

³⁸ Surikov I.E. Athenian Nobles and the Olympic Games // Mésogeios. 2004. Vol. 24. P. 191–192. В другом месте (Суриков И.Е. Остракизм... С. 193–194) мы предлагаем относить именно к Фринону-олимпионику архаический остракон

Являясь ее вождем, Фринон должен был стать ойкистом новоосновываемого города; после смерти (и даже, возможно, еще при жизни) ему должны были оказываться героические почести. Подобный статус был во всех отношениях не менее престижен, чем тираническая власть, но при этом, конечно, гораздо более безопасен для афинского полиса³⁹.

Как бы то ни было, на новом месте Фринон нашел свою гибель. Мы видели из источников, что афинская активность в Троаде вызвала ожесточенное сопротивление лесбосцев, рассматривавших этот регион как сферу своих интересов. Остался в памяти потомков единок двух вождей – Питтака и Фринона, с помощью которого стороны пытались решить исход войны. Кстати, обратим внимание на сам этот чрезвычайно интересный факт единоборства между командующими – прямо-таки в «гомеровском стиле». Он показывает, насколько эпическим по своему духу было еще в то время мировоззрение аристократии.

Однако убийство Питтаком Фринона не привело к завершению афино-митиленского конфликта из-за Сигея. В конце концов, чтобы прекратить затянувшиеся военные действия, пришлось прибегнуть к услугам авторитетного внешнего посредника – коринфского тирана Периандра⁴⁰. Последний решил вопрос о Сигее в пользу афинян, и,

с именем Фринона. Публикацию этого граффито см.: *Lang M. Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. Vol. 21)*. Princeton, 1976. Р. 20. Лэнг датирует памятник VI в. до н.э., но основания для такой датировки довольно шатки; остракон не с меньшим основанием может принадлежать к концу предшествующего столетия. В свете этой находки соблазнительно предположить, что Фринон был изгнан из Афин остракизмом (в архаическом афинском полисе этот институт уже существовал в той или иной форме, см.: *Суриков И.Е. Остракизм...* С. 182 слл.) и именно поэтому должен был отправиться в колонизационную экспедицию – не по своей воле, а вынужденно. Но мы ни в малейшей мере не стали бы настаивать на этой гипотезе, поскольку прекрасно понимаем, что аргументов в ее пользу недостаточно. Ясно одно: появление имени Фринона на остраконе свидетельствует о том, что он был активным участником политической борьбы, влиятельным лицом в государстве.

³⁹ Исходя из того, что сигейская экспедиция была личной инициативой Фринона, Грэйэм считает, что колония в Сигее была основана как апойкия, а не клерухия, как политически независимое от Афин поселение (*Graham A.J. Op. cit. P. 33*), и мы склонны согласиться с ним в этом вопросе.

⁴⁰ Об этом посредничестве в отечественной литературе существует работа: *Ковалев П.В. Позиция Периандра Коринфского в территориальном споре за Сигей // Исслед. 2003. Т. 2. С. 54–64*. Но к ней у нас немало недоуменных вопросов. Многие тезисы автора так и остались для нас загадкой. П.В. Ковалев видит проблему следующим образом: почему афиняне избрали в качестве посредника тирана Периандра, ведь в Афинах как раз незадолго до того была предотвращена попытка установления тирании Килона? Мы здесь, откровенно говоря, вообще не видим никакой проблемы. Во-первых, кандидатура посредника, несомненно, не выдвигалась в одностороннем порядке афинянами, а согласовывалась обеими сторонами. Во-вторых, в эпоху, о которой идет речь, ни в Афинах, ни в других полисах в аристократических кругах, находившихся у власти, не наблюдалось принципиального неприятия тирании как таковой (см.: *Суриков И.Е. Античная Греция...* С. 165–166). Вы-

видимо, при жизни этого могущественного правителя принятное им решение соблюдалось. Но после свержения коринфской тирании митиленяне на каком-то этапе (точную дату установить не представляется возможным⁴¹) вновь вырвали спорный город из рук своих противников. Афинянам удалось в очередной раз овладеть Сигеем уже при Писистрате, как считается, около 530 г. до н.э.⁴² К своему сигейскому владению тиран относился с большим вниманием, оно, судя по всему было у него на особом положении: наместником туда Писистрат послал одного из своих младших сыновей – Гегесистрата (Hdt. V. 94). Впоследствии, когда Гиппий, преемник Писистрата у власти в Афинах, был в 510 г. до н.э. свергнут и изгнан из полиса, он нашел себе убежище именно в Сигее (Hdt. V. 65; V. 91)⁴³.

При Писистратидах удержание Сигея явно было компонентом целостной и широкой внешнеполитической линии, направленной на контроль над Северной Эгейидой и Черноморскими проливами. Что можно сказать в данной связи о первой афинской колонизации Сигея в конце VII в. до н.э.? Э. Грэйэм указывает⁴⁴, что на нее нельзя экстраполировать тот же контекст. В ту эпоху, когда Фринон отправился в Троаду, афиняне еще и помышлять не могли о том, чтобы наложить свою руку на проливы. У них просто не было для этого достаточно сил: в конце VII в. до н.э. этих сил не хватало даже на то, чтобы отвоевать у Мегар Саламин, лежащий буквально по соседству. Что уж говорить о более далеко идущих замыслах!

Суждение исследователя представляется справедливым, если вести речь об афинском полисе в целом. Однако не забудем, что колонизация Сигея была частной инициативой Фринона, которого в тот мо-

биная посредника, меньше всего думали о том, представляет ли он «идеино чуждую» форму правления. Очевидно, Периандр в силу своего высокого внешнеполитического авторитета в наибольшей степени устраивал как афинян, так и митиленян. Ведь главным, что требовалось от третейского судьи в межгосударственных спорах, были именно авторитет и сила, чтобы потом сторона, не в пользу которой было вынесено решение, не вздумала отказаться его выполнять. Не говорим уже о том, что в работе П.В. Ковалева, например, совершенно превратно переведен отрывок из Псевдо-Скимна об афинской колонии в Элеунте и т.п.

⁴¹ В.П. Яйленко считает, что это произошло около 590 г. до н.э. (Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М., 1982. С. 136), но мы сомневаемся, что есть основания давать столь точную датировку.

⁴² Graham A.J. Op. cit. P. 32.

⁴³ Есть версия, что Гиппий в Сигее даже чеканил монету по афинскому образцу, но со своим именем. См.: Raven E.J.P. Problems of the Earliest Owls of Athens // Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson. Oxf., 1968. P. 52. Однако являющийся основанием для этой гипотезы уникальный обол совой в качестве типа, колосом в качестве символа и легендой ΗΠ вместо традиционной ΑΘΕ может быть интерпретирован и иначе. Этот вопрос в целом связан с рядом сложнейших проблем ранней афинской чеканки, которые мы не можем здесь специально рассматривать.

⁴⁴ Graham A.J. Op. cit. P. 32–33.

мент больше волновали не общеафинские дела, а свое собственное положение. В свете того, что он обосновался у входа в Геллеспонт на обоих берегах – не только в Сигее, но и в Элеунте, – ответ на вопрос может быть только один: контроль над проливами просто не мог не входить в его планы.

Мы возвращаемся к проблеме целей первой сигейской экспедиции. Рассматривая эту проблему, необходимо помнить еще и о том, что колонисты были направлены не в какой-либо удаленный и слабо заселенный регион. Скорее напротив: Троада и в целом берега Геллеспонта к тому времени были уже густо усеяны греческими колониями, в подавляющем большинстве лесбосскими, поскольку выходцы с крупнейшего эолийского острова проявляли особую активность в освоении этих территорий⁴⁵. В результате афинянам приходилось готовиться к тому, что, пытаясь обосноваться в Сигее, они отнюдь не будут дружески приняты, а натолкнутся на ожесточенное сопротивление, как и получилось: лесбосцы всеми силами пытались изгнать незваных гостей.

Коль скоро Фринон, несмотря на все это, все-таки избрал полем своей деятельности Троаду, значит, у него были на то весомые причины; Сигей был зачем-то нужен афинскому олимпионику и прибывшим с ним колонистам. Зачем? Поднимем прежде всего вопрос о возможности действия экономических факторов. Необходимость оттока «лишнего» населения из Аттики можно исключить сразу же: выше уже отмечалось, что от стенохории Афины архаической эпохи, мягко говоря, не страдали. Торговые интересы? Неизбежно вырисовывается вариант с получением понтийского хлеба, для чего проливы, безусловно, были настолько нужны. Но конец VII в. до н.э. – слишком ранняя эпоха для того, чтобы относить к ней попытки афинян установить торговлю зерном с Понтом⁴⁶. Не исключаем, что Афины столкнулись с проблемой недостатка собственного хлеба уже достаточно рано, ко времени Солона⁴⁷. Но в любом случае Фринон, навсегда покинув родину, вряд ли думал о необходимости снабжения ее тем или иным продуктом.

Выскажем идею, которая, возможно, покажется неожиданной и даже «еретической», но, как представляется автору этих строк, хорошо укладывается в общий контекст архаической эпохи. По нашему мнению, Фринон, осев на обоих берегах Геллеспонта, намеревался по-просту заниматься разбоем: грабить минующие пролив корабли и таким образом обогащаться. В каком-то смысле этот мотив, пожалуй, тоже можно назвать «экономическим», но в целом под экономикой мы привыкли понимать что-то иное, а не грабеж – экспроприацию ценностей путем внеэкономического, чисто силового нажима.

⁴⁵ Cook J.M. Op. cit. P. 50.

⁴⁶ В другом месте (Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 102 слл.) мы пытаемся показать, что понтийский рынок зерна стал играть для Афин значительную роль лишь в V в. до н.э.

⁴⁷ Суриков И.Е. Античная Греция... С. 129.

Говоря о побуждениях, которые могли руководить Фриноном, стоит отметить еще один момент чисто ментального порядка. Троада для любого грека, особенно для аристократа, являлась местностью совершенно особого рода: совершенно неотъемлемыми от нее были ассоциации с Троянской войной, с мифологическими героями, с гомеровским эпосом. Достаточно перечитать большую главу Страбона, посвященную этому региону, чтобы увидеть, какой ореол легенд его окутывал, какой интенсивный и разнообразный мифополитический дискурс развертывался вокруг Троады. Так было всегда – не только во времена Страбона, но и во времена Геродота (выше цитировались почерпнутые из его труда аргументы афинян и лесбосцев в споре за Троаду, связанные с мифами о Троянской войне), и раньше. И, между прочим, Сигей занимал на «ментальной карте»⁴⁸ Троады весьма значимое место. Ведь именно на его территории, согласно преданию, находилась знаменитая «Корабельная стоянка», то есть лагерь ахейцев, осаждавших Трою.

Хотя Афины, казалось бы, находились неблизко от северо-запада Малой Азии, в афинском полисе архаической эпохи, особенно в кругу аристократии сюжеты, связанные с Троянской войной, тоже были весьма актуальны. Дело в том, что эпическая традиция получила в Афинах VII–VI вв. до н.э. особенное развитие. Афины сыграли значительную роль в складывании гомеровского эпоса; некоторые специалисты считают даже, что эта роль была определяющей⁴⁹. При Солоне и Писистрате осуществлялась письменная фиксация канонического текста «Илиады» и «Одиссеи»⁵⁰, причем, естественно, не с чисто античными, а с наследственно-политическими целями.

Фринон же был человеком, мыслившим вполне эпическими категориями. Достаточно вспомнить в данной связи его поединок с Питтаком, упоминавшийся выше. Допускаем поэтому, что он отправился совершать свои славные подвиги именно в Троаду, помимо прочих причин, из стремления подражать эпическим героям, да и в целом привлеченный «святостью места»⁵¹.

⁴⁸ О понятии «ментальной карты» см.: Подосинов А.В. Карта и текст: два способа презентации географического пространства в античности и средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 153–159.

⁴⁹ См., например: Cook E.F. The Odyssey in Athens: Myths of Cultural Origins. Ithaca, 1995; Sauge A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000.

⁵⁰ Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996. С. 84–90.

⁵¹ Можно привести параллель из истории средневековой Европы. Такое грандиозное явление, как Крестовые походы, имело, безусловно, свои политические и социально-экономические причины, детально изученные в историографии. Но тот факт, что пыл крестоносцев направлялся именно на Палестину, несомненно, объяснялся особенной святостью этого региона в глазах европейских христиан, колоссальным количеством христианских легенд, которыми был овеян этот регион.

Мы так подробно остановились на афинской колонизации Сигея, поскольку, во-первых, это было хронологически первое проявление колонизационной активности афинян, во-вторых, данный эпизод архаической греческой историиставил немалое количество интересных проблем, которые необходимо было попытаться решить. Другие мероприятия Афин по выведению колоний будут рассмотрены уже более кратко, но с тех же методологических позиций.

Вторым по времени из этих мероприятий было овладение островом Саламином. О нем существует обширная нарративная традиция, разбирать которую было бы здесь неуместно, и поэтому мы отошлем читателя к более подробному описанию в специальной работе Н.А. Касаткиной, где приведены ссылки практически на все относящиеся к указанной тематике свидетельства источников⁵². События развертывались следующим образом (хотя, разумеется, не все исследователи согласились бы с реконструируемой нами здесь их последовательностью, поскольку в ней немало «белых пятен»). Афины уже в досолоновское время боролись с соседними Мегарами за Саламин, но на первых порах терпели поражения, что привело их даже к ощущению безнадежности. Лишь Солону удалось воодушевить сограждан на возобновление боевых действий и во главе афинского ополчения завоевать остров. Это произошло около 600 г. до н.э. Однако мегаряне не желали смиряться с потерей. Война с ними продолжалась с перерывами несколько десятилетий; еще в 560-х гг. до н.э. в ней участвовал будущий тиран Писистрат. В конечном счете, вопрос о Саламине был, как и в случае с Сигеем, вынесен на третейский суд; посредниками-примирителями на этот раз выступали спартанцы. Арбитраж опять закончился в пользу Афин, и Саламин навсегда остался за ними.

Статус Саламина под афинским владением может быть без каких-либо сомнений определен как клерухия. Об этом недвусмысленно свидетельствует ценнейший эпиграфический памятник, самый ранний сохранившийся афинский декрет (IG³. 1)⁵³, датирующийся концом VI в. до н.э. В нем большинством исследователей восстанавливается выражение *τὸς ἐ Σαλαμῖνι κλερόχος*. Иными словами, жители Саламина не имели какого-либо собственного гражданства, а оставались гражданами метрополии, Афин. Остров занимал в некотором роде особое, уникальное положение. С одной стороны, он находился так близко от Аттики и был связан с ней такими давними и прочными узами, что впоследствии, в классическую эпоху рассматривался уже как ее неотъемлемая часть. С другой стороны, на Саламин не была распространена клисфеновская система территориальных фил, три-

⁵² Касаткина Н.А. Солон Афинский... К тому же и нам уже приходилось писать об афино-мегарской борьбе за Саламин: Суриков И.Е. Античная Греция... С. 118–120, 181–182.

⁵³ Текст надписи см. также: Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 26. No. 14.

тий и демов, а это означает, что юридически он не входил в состав афинского полиса⁵⁴.

В любом случае, колонизация Саламина была уже не чьей-то частной инициативой, а организованной и спланированной акцией государства. Каковы были мотивы этой акции? В частности, можно ли говорить о действии экономического фактора в том или ином своем проявлении?

Такой мотив, как смягчение земельной проблемы путем выселения в клерукию части населения, приходится отвергнуть. Позже, в классический период, Саламин, конечно, использовался и с этой целью, но не будем автоматически переносить реалии одной эпохи на другую. Повторим еще раз, что солоновские Афины не знали стенохории. Полис, бесспорно, испытывал в то время серьезные социально-экономические проблемы (обострение долгового вопроса, недовольство так называемых гектеморов своим положением), но это были проблемы такого рода, что колонизацией они не решались. Попыткой их решения, во многом успешной, стали сами реформы Солона.

Тогда, может быть, удастся обнаружить роль экономико-коммерческого фактора? Не был ли Саламин захвачен и освоен с целью интенсификации торговой деятельности Афин? Как правило, именно так и считается в исследовательской литературе. Н.А. Касаткина, во многом обобщая то, что сказано об этом сюжете в предшествующей историографии, пишет: «...Обладание этим островом давало возможность беспрепятственного выхода в Эгейское море и овладения морским "хлебным" путем к Северному Причерноморью. Для Афин это было насущной необходимостью, учитывая недостаток земель, пригодных для ведения зернового хозяйства. Кроме того, уже географические условия Аттики предопределяли ее особое назначение – заниматься морским делом и торговлей»⁵⁵. И далее исследовательница, размышляя о том, по чьей инициативе незадолго до Солона в Афинах было запрещено поднимать вопрос о Саламине, утверждает: «...В этом решении усматривается лишь воля крупных землевладельцев, не заинтересованных в овладении выходом в море. Они опасались, что привозной хлеб из Северного Причерноморья резко снизит их доходы»⁵⁶.

Казалось бы, всё просто, стройно и логично. Однако подчас, когда предлагается очень уж простое решение вопроса, эта простота на деле оказывается ложной. У нас есть целый ряд серьезных возражений против вышеизложенной концепции. Прежде всего, о «беспрепятственном выходе в Эгейское море». Аттика обладала весьма значительной даже по греческим меркам протяженностью береговой линии; Афины, конечно же, имели выход к морю и до овладения Саламином. Пирей во времена, о которых идет речь, еще не был построен, а старой афинской гавани в Фалере Саламин, в общем-то, никак не мешал.

⁵⁴ Суриков И.Е. Остракизм... С. 271.

⁵⁵ Касаткина Н.А. Солон Афинский... С. 60.

⁵⁶ Там же. С. 61.

Кроме того, была в Аттике, судя по всему, и еще более старая гавань. Она располагалась на восточном побережье области и была ориентирована на Эвбею; от Афин к ней вел путь.

Далее, о «хлебном пути» в Северное Причерноморье: для рубежа VII–VI вв. до н.э. это очевидный анахронизм. Никак не можем согласиться и с телеологическим суждением, согласно которому жители Аттики уже самим ее географическим положением были как бы обречены заниматься морским делом и торговлей. Допускаем еще, что такое можно сказать (да и то не без оговорок) о Коринфе или Мегарах, но никак не об афинском полисе с его очень обширной хорой. Даже позже, в классическую эпоху, наиболее типичной для Афин фигурой был, в общем-то, крестьянин, а не торговец.

Наконец, пассаж о крупных землевладельцах, не заинтересованных в овладении выходом в море, и вовсе не убеждает. Во-первых, как уже говорилось, об овладении выходом в море для афинского полиса периода конфликта с Мегарами речь не шла: зачем овладевать тем, что и так в твоем распоряжении? Во-вторых, как могло снизить доходы этих землевладельцев поступление зерна откуда-то извне? Не говоря уже о том, что некорректно применять категории товарноденежного хозяйства к солоновским Афинам, в которых не было еще даже монеты, ситуация, описанная Н.А. Касаткиной, была бы возможна в случае избытка зерна, перенасыщения рынка, превышения предложением спроса: только тогда цены на хлеб начали бы падать, а доходы тех, кто им торгует, – уменьшаться. Но ведь сама же исследовательница, как мы видели, чуть раньше утверждает, что зерна в Афинах, наоборот, не хватало. Возникает внутреннее противоречие в концепции, что заставляет ее отклонить даже независимо от степени соответствия эмпирическим данным.

К таким издержкам приводит тенденция искать для любого колонизационного мероприятия обязательно в первую очередь экономические причины. Понятно, что если очень долго и упорно искать, в конце концов обязательно что-нибудь найдется. Но не будет ли более плодотворным рассмотреть проблему в ином аспекте?

Зачем Афинам на рубеже VII–VI вв. до н.э. был нужен Саламин? Прежде всего для того, чтобы им не владел кто-нибудь другой. Подчеркнем, что афиняне не пытались захватить остров, пока претензии на него не предъявили соседи-мегаряне. Дело в том, что Саламин занимал уж очень выгодное геостратегическое положение относительно Аттики. Он был отделен от нее лишь узким проливом и как бы нависал над ее побережьем, причем в самом уязвимом месте – там, где к морю выходили не горные цепи, а равнины, Афинская и Фриасийская. Иными словами, с Саламина было очень удобно осуществлять нападения на Аттику. Пока остров оставался «ничейной» землей, это было еще не так страшно. Совсем другое дело – позволить мегарянам обосноваться на Саламине. Отношения между Афинами и Мегарами во второй половине VII в. до н.э. были весьма напряженными. У сто-

рон имелись взаимные территориальные претензии⁵⁷; кроме того, в 636 г. до н.э. мегарский тиран Феаген поддерживал своего зятя – афинянина Килона, пытавшегося свергнуть в Афинах законные власти. Следует подчеркнуть, что, в отличие от более поздних эпох, на рассматриваемом хронологическом отрезке афинский и мегарский полисы были еще вполне сопоставимыми по силе и значению государствами. Мегары в архаический период были особенно сильны, находились в числе наиболее передовых городов греческого мира. Если бы Саламин оказался в их руках, они могли бы постоянно использовать его в качестве прекрасного плацдарма, направленного против Афин. И вытеснение недружественных соседей с острова становилось для афинян делом насущной, жизненной необходимости. А вытеснить их оттуда и надежно пресечь дальнейшие посягательства с их стороны можно было только одним способом – самим укрепившись на саламинской земле.

Таким образом, при колонизации Саламина ключевую роль играли, насколько нам представляется, не экономические, а внешнеполитические и военно-стратегические соображения.

Важнейшим колонизационным мероприятием афинян середины VI в. до н.э. было основание Мильтиадом Старшим колонии на полуострове Херсонес Фракийский⁵⁸ – вскоре после 560 г. до н.э., как мы считаем⁵⁹, хотя точные датировки здесь вряд ли возможны. Выходя на проблематику Херсонеса Фракийского, мы затрагиваем целый клубок сложных и нерешенных вопросов⁶⁰, подавляющее большинство которых подробно рассматривать здесь нет никакого резона. В частности, оставляем открытым вопрос о том, была ли создана на Херсонесе клерухия или апойкия. Нам представляется, что структура поселения (точнее, целой группы поселений) на полуострове была неоднородной; среди его жителей были и колонисты из Афин, и выходцы из иных греческих полисов, и представители местного негреческого населения.

⁵⁷ Так, в солоновские времена, судя по всему, был еще какой-то конфликт между Афинами и Мегарами из-за пограничного Элевсина (см.: Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1998. С. 75). Спорные пограничные территории между двумя полисами существовали еще во второй половине V в. до н.э. (Суриков И.Е. Попытка торговых санкций в классической Греции: мегарская псефисма Перикла и ее последствия // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997. С. 32).

⁵⁸ Такой достаточно поздний автор, как Диоген Лаэртский (I. 47), пишет, что еще Солон убедил афинян захватить Херсонес Фракийский. Здесь содержится явная неточность: в солоновские времена Афины еще не владели, во всяком случае, всем полуостровом. Однако выше отмечалось, что первая афинская колония на Херсонесе – Элеунт – была основана в конце VII в. до н.э., скорее всего, Фриноном. Очевидно, в указанном месте у Диогена отразилась в искаженном виде традиция именно об этом мероприятии.

⁵⁹ Суриков И.Е. Античная Греция... С. 298.

⁶⁰ Подробнее см.: Graham A.J. Op. cit. P. 32 ff., 194 ff.; Isaac B. Op. cit. P. 159 ff.; Касаткина Н.А. Афинские владения... С. 56–65.

Все они афинскими клерухами быть, безусловно, не могли. И все же несомненно, что какая-то часть поселенцев, прибывших из Афин, сохранила афинское гражданство. В частности, последний тиран Херсонеса – Мильтиад Младший, – в 493 г. до н.э. изгнанный оттуда персами, прибыл в Афины и тут же начал активную политическую деятельность, неоднократно занимал высшие полисные должности и т.п. Ему не потребовалось никакой специальной натурализации. Иными словами, он как был, так и оставался гражданином Афин. То есть, мы допускаем, что на Херсонесе проживали как афинские апойки, так и афинские клерухи, но по какому принципу проводилось разграничение между ними – тут ответ вообще вряд ли возможен.

В рамках данной статьи мы, прежде всего, попытаемся решить проблему о мотивах афинской колонизации Херсонеса. Здесь больше всего помогает самое раннее и аутентичное, а также и самое информативное свидетельство о событии, принадлежащее Геродоту (VI. 34–39)⁶¹. «Отец истории» излагает факты в такой последовательности: племя долонков, обитавшее на Херсонесе Фракийском, призвало к себе правителем афинянина Мильтииада Старшего, ссылаясь на оракул, полученный в Дельфах. Столь любезное предложение вполне соответствовало и пожеланиям самого Мильтииада, который «тяготился владычеством Писистрата», незадолго до того ставшего тираном в Афинах. Мильтиад, со своей стороны, обратился с запросом к Дельфийскому оракулу, получил «добро» и, как пишет Геродот, «отправился в путь вместе со всеми афинянами, желавшими принять участие в походе».

Таким образом, перед нами вновь типичный пример колонизационной акции, порожденной внутриполитической борьбой. Мильтиад в результате этой борьбы оказался на родине в положении, которое его не удовлетворяло, и «рад был покинуть Афины», как эксплицитно пишет «отец истории». С ним направилась группа других недовольных ситуацией афинян, что позволило организовать полноценную колонизационную экспедицию. Что это были за люди, не сообщается, но не приходится сомневаться в том, что речь идет о членах политической группировки Мильтииада, приверженцах рода Филаидов, к которому принадлежал афинский ойклист Херсонеса. Таким образом, перед нами, как и в случае с Фриноном, не государственное мероприятие, а частная инициатива знатного аристократа, влиятельной личности⁶².

Сделаем, пожалуй, лишь одну необходимую оговорку. Может быть, не стоит некритично принимать на веру указание Геродота на то, что Мильтиад Старший уехал из Афин, движимый неприязнью к Писистрату. Это указание взято историком из традиции, восходящей к Филаидам, – традиции, которая вполне могла искажать факты. В V в. до

⁶¹ Иначе изложены факты у Корнелия Непота (*Milt.* 1), но в жизнеописании Мильтииада, принадлежащем перу этого римского биографа, как и в других его сочинениях, много путаницы. В частности, Непот безнадежно смешал друг с другом двух Мильтииадов – Старшего и Младшего.

⁶² Graham A.J. Op. cit. P. 33.

н.э. афинские аристократические семьи делали всё, чтобы «открыться» от ставших одиозными тиранов Писистратидов⁶³, а за столетие до того они – едва ли не без исключения – были замешаны в сотрудничестве с Писистратом или его сыновьями⁶⁴. Не были исключением и Филаиды. Нам представляется маловероятным, чтобы Мильтиадом Старшим двигала исключительно вражда к тирании, тем более что он отправился на Херсонес не с какой иной целью, как с той, чтобы самому стать тираном⁶⁵. Скорее, Мильтиад был удручен общей внутриполитической нестабильностью, характерной для афинского полиса середины VI в. до н.э., когда власть несколько раз переходила из рук в руки.

Во всяком случае, Писистрату экспедиция Мильтиада на Херсонес Фракийский была только выгодна⁶⁶. Более того, поколение спустя, около 520 г. до н.э., племянник Мильтиада Старшего – Мильтиад Младший (будущий марафонский победитель) – отправился на Херсонес перенимать власть как прямой эмиссар Гиппия и Гиппарха. Геродот (VI. 39) пишет: «...Писистратиды отправили на Херсонес с триерой захватить верховную власть Мильтиада, сына Кимона (т.е. Мильтиада Младшего – И.С.)». Но в то время шел уже совершенно новый этап в истории афинской колонизации, к характеристике которого мы теперь и переходим. Начало этого этапа тесно связано с деятельностью Писистрата.

Около 557–556 гг. до н.э., Писистрат, тирания которого еще не укоренилась в Афинах, был изгнан из полиса своими политическими противниками. После этого он активно занялся колонизационной деятельностью на северном побережье Эгейского моря. Как пишет Аристотель (*Ath. pol.* 15. 2), «сначала Писистрат основал поселение около Фернейского залива, в местечке, которое называется Рекел, а оттуда переехал в окрестности Пангейя» («Афинская полития» цитируется в пер. С.И. Радцига). На первый взгляд может показаться, что перед нами очередной пример аристократа, потерпевшего поражение в политической борьбе, покинувшего родину и ушедшего в колонию. Однако в действительности на этом аналогия с Фриноном и Мильтиадом Старшим кончается. В отличие от них, Писистрат отнюдь не собирался сдаваться. По указанию Геродота (I. 61), опальный тиран, покинув Аттику, прежде всего удалился в эвбейскую Эретрию. Там «он стал совещаться со своими сыновьями. Верх одержало мнение Гиппия о том, что следует попытаться вновь овладеть верховной властью».

⁶³ Как убедительно показано в ценной работе: *Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids*, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993.

⁶⁴ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 152–153.

⁶⁵ Предположение о том, что Мильтиад принадлежал к группировке диакриев, возглавляемой Писистратом, см.: Суриков И.Е. Античная Греция... С. 298–299.

⁶⁶ Ср.: Касаткина Н.А. Афинские владения... С. 57–58.

Этот пассаж, маловразумительный сам по себе, становится ясным, если трактовать его в контексте предыдущей колонизационной активности афинских аристократов. Когда Писистрат совещался с сыновьями, какие альтернативы предлагались на этом совете? В сущности, было два возможных варианта: стать ойкистом какого-нибудь нового поселения, остаться там навсегда и позабыть об Афинах либо же стремиться к возвращению на родину. Первый путь был путем Фринона и Мильтиада Старшего. Второй путь – впервые в афинской истории – избрал именно Писистрат. После этого, в годы своего изгнания, он основывал апойкии, но не связывал с ними своей дальнейшей жизни (потому-то, кстати, так легко перемещался с места на место). Колонии были для него лишь ступенями к власти в Афинах, источником материальных средств, необходимых для вербовки отряда наемников, с которым он впоследствии вторгся в Аттику.

Соответственно, Писистрат выбирал для колонизации такие местности, откуда можно было получить искомые средства, обосновываясь прежде всего там, где имелись в наличии месторождения ценных металлов – серебра и золота. Вначале он попытал счастья в Фермейском заливе, в Рекеле, освоенном им совместно с союзниками из Эретрии⁶⁷. Затем более плодотворным оказалось для него пребывание на фракийском побережье Эгейды, у богатой рудниками горы Пангей, близ устья Стримона. Аристотель продолжает: «Запасшись там деньгами и навербовав наемных солдат, он на одиннадцатом году приехал опять в Эретрию». Оттуда он предпринял успешную акцию по захвату власти в Афинах. А попавшая в его владение область на Стримоне, и впоследствии, в бытность тираном, служила для него источником доходов (Hdt. I. 64).

Таким образом, именно в колонизационной деятельности Писистрата, в отличие от первых случаев афинской колонизации, мы впервые со всей четкостью обнаруживаем действие экономических мотивов. Писистрату нужны были прежде всего богатства. Но, подчеркнем сразу, нужны они ему были не как самоцель и не для каких-то коммерческих целей, а для наилучшей реализации своих политических интересов. Иными словами, в данном эпизоде истории Афин экономика присутствует, но все-таки оказывается не определяющей политику, а, напротив, подчиненной ей, как по большей части и бывало в античном греческом мире.

Придя к власти, Писистрат, а впоследствии и его наследники проводили весьма активную внешнюю политику. О новых колониях, основанных в их правление, источники не сообщают, но уже существовавшие поселения афинян использовались максимально интенсивно и эффективно. Только что упоминалось о землях в районе Стримона. Выше шла речь о том, что Писистрат вновь заполучил у митиленян ранее потерянный Сигей на восточном берегу Геллеспонта. А на западном берегу того же пролива продолжала функционировать круп-

⁶⁷ Viviers D. Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // JHS. 1987. Vol. 107. P. 193–195.

ная колония на Херсонесе Фракийском; Писистратиды прилагали усилия к ее удержанию.

Итак, основным регионом интересов афинского полиса в период тирании была Северная Эгейда и зона Черноморских проливов. Таким образом, в данном отношении наблюдалась преемственность с предшествующей эпохой. Наличие экономического фактора в колонизационной деятельности Афин со временем Писистрата нельзя не признавать. Но, на наш взгляд, конечной целью являлась все-таки политическая: Писистрат и его сыновья старались укреплять собственное могущество и престиж в греческом мире, а это в тот момент означало укрепление могущества и престижа Афин.

Последним в афинской истории колонизационным мероприятием «архаического» типа стал захват Мильтиадом Младшим острова Лемноса. Об этом событии повествует ряд античных авторов (Hdt. VI. 140; Nep. *Milt.* 2; Diod. X. 19. 6; Zenob. III. 85), и между их рассказами наблюдается расхождение, причем наиболее близкая к истине версия, судя по всему, содержится у Геродота. Сообщается, что Мильтиад изгнал с Лемноса ранее населявших его пеластов⁶⁸ и основал на острове поселение афинян. При этом специально подчеркивается та деталь, что он прибыл к Лемносу с Херсонеса Фракийского. Данная деталь играет важную структурообразующую роль во всем эпизоде и, соответственно, должна быть аутентичной. Из сказанного следует, что Мильтиад овладел Лемносом в тот период, когда он жил на Херсонесе. В другом месте⁶⁹ мы высказали предположение, что это могло произойти в период вынужденного бегства Мильтиада с полуострова: после неудачного похода Дария I на Скифию (около 513 г. до н.э.) перешедшие в наступление скифы вторглись на Херсонес, а Мильтиад ушел в изгнание. Вот тогда-то, как нам представляется, он и перебрался на Лемнос: недалеко расположенный остров мог послужить хорошим плацдармом для возвращения, а если вернуться так и не удалось бы, можно было там и остаться. Опять типичный пример «аристократической колонизации»: в сущности, неважно, где править, лишь бы править⁷⁰!

Не исключаем, впрочем, что Мильтиад захватил Лемнос еще раньше инцидента со скифами, то есть в самые первые годы своей тирании на Херсонесе Фракийском. Во всяком случае, нам представ-

⁶⁸ Непот, видимо, ошибочно называет жителей Лемноса карийцами, а Диодор – тирренами. В любом случае ясно, что речь идет о какой-то реликтовой группе додревеского населения Эгейды, как видим, сохранявшегося на некоторых отдаленных островах вплоть до рубежа архаической и классической эпох.

⁶⁹ Суриков И.Е. Античная Греция... С. 305–306.

⁷⁰ В связи со сказанным имеет смысл напомнить, что еще в 489 г. до н.э., на закате своей жизни, Мильтиад, лишившийся Херсонеса уже навсегда, пытался захватить еще один остров – Парос (Hdt. VI. 133–135; Nep. *Milt.* 7). Вне сомнения, теперь он хотел обосноваться там. См.: Vanotti G. L’immagine di Milziade nell’elaborazione propagandistica del V e del IV secolo a.c. // Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano). 1991. Vol. 17. P. 22.

ляется маловероятным высказанное Б. Айзеком⁷¹ мнение, что это произошло в период Ионийского восстания.

Очевидно, примерно тогда же, когда и Лемнос, Мильтиадом Младшим был подчинен близлежащий остров Имброс. Он уже находился в его руках к тому моменту, когда тиран Херсонеса в 493 г. до н.э. под персидским натиском вынужден был бежать в Афины. Геродот (VI. 41) сообщает, что вначале Мильтиад укрылся именно на Имбробсе, а уже оттуда прибыл в Аттику.

Впоследствии и Лемнос, и Имбрис всегда находились в числе важнейших, ключевых внешних владений афинян. Их колонизация хорошо вписывается в программу афинского закрепления в Северной Эгейде и на подступах к Черноморским проливам. Помимо всего прочего, эти острова могли служить удобными промежуточными стоянками при плавании от Аттики к Геллеспонту. В связи со сказанным уместен вопрос: не действовал ли и в данном случае Мильтиад как эмиссар Писистратидов? Дать однозначный и категоричный ответ на вопрос не представляется возможным – хотя бы уже потому, что мы не знаем точно, были ли Лемнос и Имбрис захвачены до свержения Гиппия в 510 г. до н.э. или позже. Однако в принципе, как нам представляется, такая возможность есть, и она не столь уж незначительна. В источниках, правда, ничего не сообщается о причастности Писистратидов к покорению Лемноса и Имбриса, но это вполне объяснимо: впоследствии Филаиды, как уже отмечалось выше, тщательно «затушевывали» большинство таких моментов истории своего рода, которые демонстрировали его связь с тиранами.

Наконец, последний факт, о котором мы вкратце упомянем, имел место уже на самом исходе VI в. до н.э., в начале реформаторской деятельности Клисфена, т.е., скорее всего, в 506 г. до н.э. На территорию афинского полиса вторглось войско одного из двух сильнейших полисов Эвбеи – Халкиды – и опустошало аттические поля. Афиняне в тот момент не предприняли ничего ввиду сильной спартанской опасности, не допускавшей распыления сил, но чуть позже решили отомстить. Дальнейшие события Геродот (V. 77) излагает так: «...Афиняне переправились на Эвбейю, напали на халкидян и... одолели их. После победы они оставили 4000 клерухов-поселенцев на земле гиппоботов (гиппоботами назывались халкидские богачи)». Таким образом, со стороны афинян последовал «асимметричный ответ»: грабительский набег со стороны соседей (явление весьма частое в архаической греческой истории) они парировали не таким же набегом, а чем-то гораздо более серьезным: просто взяли под свой контроль часть территории враждебного полиса, колонизовали ее.

Хронологически мы еще в рамках архаической эпохи. Но типологически – перед нами начало совершенно нового этапа колонизационного движения. Это – заря классической афинской колонизации, первый пример выведения правильной клерухии, причем не на отдаленных, неосвоенных или «варварских» землях, а на территории соседнего, гре-

⁷¹ Isaac B. Op. cit. P. 175.

ческого же государства. Знаменательно и даже поразительно, что названная акция имела место *немедленно* после установления демократии в Афинах. Ею афиняне как бы «закладывали первый камень» в программу основания клерухий. Несколько позже, в период Пентеконтаэтии, клерухии аналогичного рода усилиями Кимона и Перикла усыпали всю Эгейду, продолжали, в частности, появляться и на Эвбее⁷². Но эти сюжеты уже выходят за хронологические рамки нашей статьи, которая и без того получилась достаточно объемной.

А здесь мы только попробуем ответить на вопрос о мотивах колонизационного мероприятия в Халкиде. Естественно, прежде всего имелся в виду военно-стратегический контроль клерухами халкидян, проявивших враждебность, во избежание будущих попыток нападения с их стороны. В то же время большое число высланных клерухов – четыре тысячи, – по нашему мнению, позволяет предполагать (и это тоже впервые в афинской истории) появление такого фактора, как необходимость удаления избыточного населения. Если ранее Аттика не страдала от стенохории, то в ходе реформ Клисфена в гражданский коллектив Афин было принято большое количество новых лиц. Не будем углубляться в дискуссионный вопрос о том, кто были эти люди⁷³. Важен уже сам факт, что количество граждан резко возросло⁷⁴, и это ставило перед афинским полисом проблемы, с которыми он ранее еще не сталкивался. Ведь новых граждан нужно было обеспечивать земельными наделами, а на аттической территории это уже далеко не всегда получалось. Вот тут-то и стали приходить на помощь клерухии⁷⁵.

Настало время подводить итоги исследования. Рассмотрев известные из источников ранние колонизационные акции Афин (с конца VII до конца VI в. до н.э.), можно сделать следующие выводы. На первых этапах этого процесса экономические факторы не играли сколько-нибудь значительной роли в афинской колонизации. Гораздо большее значение имели мотивы политического, временами даже идеологического характера. С деятельностью Писистрата и Писистратидов, развернувшейся с середины VI в. до н.э., связано начало нового этапа колонизационной активности афинского полиса. И вот только на этом этапе экономические интересы как один из «векторов» интересующего нас процесса начинают более или менее четко выкристаллизовываться. Да и теперь они не вытесняют интересы политические, а существуют бок о бок с ними, пожалуй, даже не находясь на первом плане. Следующий, «классический» этап афинской колонизации берет начало сразу после демократических реформ Клисфена. Мы коснулись только

⁷² Касаткина Н.А. Эксплуатация афинянами... С. 24–26. В целом об этих поселениях см. также: Brunt P.A. Op. cit. P. 71–92.

⁷³ См. к вопросу: Kagan D. The Enfranchisement of Aliens by Cleisthenes // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 41–46; Bicknell P.J. Whom did Kleisthenes Enfranchise? // PP. 1969. Fasc. 124. P. 34–37.

⁷⁴ В начале V в. до н.э. оно составляло около 30 тысяч человек (Суриков И.Е. Остракизм... С. 476), а это по меркам греческого полиса очень много.

⁷⁵ Возможно, из плохо сохранившейся надписи IG. I³. 1 следует, что именно тогда же, в конце VI в. до н.э., и на Саламин была отправлена новая группа клерухов.

самого первого случая этой колонизации (клерухия в Халкиде), но эту акцию можно рассматривать как парадигматичную для всех последующих. Данный этап привнес много нового в целом ряде отношений, но с точки зрения мотивации основания колоний можно сказать, что в целом сохраняется прежняя картина: параллельное действие политических и экономических факторов, при том что ни тем, ни другим нельзя приписать однозначно определяющую роль.

Имеет ли закономерность, выявленная на примере Афин – полиса, повторим, нетипичного, – более широкое и общее значение, можно ли применить ее к каким-либо другим греческим государствам? Пока вопрос приходится оставить открытым: попытка ответа на него могла бы стать темой отдельного исследования. Во всяком случае, ясно одно: обнаруживается, что был возможен – не только в теории, но и на практике – и такой вариант колонизационного движения, существенно отклоняющийся от традиционных представлений о предпосылках этого процесса и, стало быть, демонстрирующий, насколько сложным, неоднозначным историческим феноменом был сам процесс.

I.E. Surikov

**THE ARCHAIC GREEK COLONIZATION:
ECONOMIC AND POLITICAL CAUSES
(on the example of early Athenian colonizing activities)**

Greek colonization of the Archaic period was conditioned by a number of various prerequisites. Usually, scholars put in the foreground those causes of colonizing activities, which are of economic character, such as acquisition of new territories in order to rid of surplus population, or trading interests. The author of the article attempts to demonstrate, that of no less importance were causes of political character. First of all, permanent internal struggle (*stasis*) in Archaic cities often made the defeated faction leave for a colony, to seek luck there. Questions of inter-state policies could also be relevant to foundation of Greek settlements abroad. Even causes of purely ideological character did exist, such as typical Greek competitiveness, growth of interest in epic and heroic during the Archaic Age, or influence of the Delphic oracle.

The article deals with early colonizing expeditions of Athens, from the late 7th to the late 6th centuries B.C. Analyzed are such Athenian foundations as Sigeion by the Hellespont, Salamis, the Thracian Chersonesos, and also Peisistratos' activities in the North Aegean, and, finally, the Kleisthenic *klerouchia* in Euboea. The source data allow concluding that the main causes of the Athenian colonization of that period were the political ones. As to economic factors, there were not of major importance up to Peisistratos' time, and even later they were only supplementary to political prerequisites. Surely, the Athenian colonizing movement was not typical, as Athens in all respects was rather an exceptional polis. Nevertheless, we can see that such a variant of colonization was, in any case, theoretically and practically possible in the Archaic Greek world.